

Вероника Генри Ночь в «Восточном экспрессе»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6889933
Ночь в «Восточном экспрессе» : [роман] / Вероника Генри: АСТ; Москва; 2014
ISBN 978-5-17-081503-6

Аннотация

Одна ночь. Ночь, которая решит многое для пассажиров легендарного «Восточного экспресса», следующего из Лондона в Венецию.

Каждый из них возлагает особые надежды на это путешествие. Арчи и Эмми пытаются забыть прошлое и начать новую жизнь. Иможен едет за бесценной картиной, которую подарила ей бабушка. Саймон, переживший тяжелый развод, хочет познакомить свою новую подругу с детьми, заранее осуждающими их. А Райли и Сильви — знаменитые фотограф и актриса — из года в год садятся на этот поезд в день рождения Сильви... Но на этот раз Райли готовит для нее особый сюрприз.

Четыре пары. Четыре истории. И всего одна ночь, которая изменит их жизни...

Содержание

Перед путешествием	8
Глава первая	8
Глава вторая	12
Глава третья	23
Глава четвертая	28
Глава пятая	34
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Вероника Генри

Ночь в «Восточном экспрессе»

Veronica Henry
A NIGHT ON THE ORIENT EXPRESS

Печатается с разрешения автора и литературных агентств Intercontinental Literary Agency Limited и Andrew Nurnberg.

© Veronica Henry, 2013

© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

© Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

* * *

Бьет полночь, на запасном пути рядом с Кале стоит в ожидании под безмолвным небом состав. Тусклая луна заливает его серебряным светом. Вагоны пусты, только призраки пассажиров ходят по коридорам, касаясь кончиками пальцев деревянных инкрустаций-маркетри, и ароматы их духов смешиваются в неподвижном воздухе. Отзвук фортепьянной мелодии улетает в черный бархат ночи, пробираясь среди шепотов и обещаний. Ибо здесь разыгрались уже тысячи историй любви и надежды, страсти и сердечной муки, примирений и расставаний.

Состав насчитывает одиннадцать спальных вагонов, три ресторана и бар. Через несколько часов, когда поезд станут готовить к путешествию, в этих вагонах закипит жизнь. Будут отполированы все поверхности. Засверкают столовые приборы и посуда. Не останется ни пылинки, ни пятнышка жира. Засияют отмытые струей воды металлические эмблемы на вагонах. При доставке продуктов — от крохотных упаковок сливочного масла до бутылок лучшего шампанского — будут предусмотрены любые желания, потребности и малейшие капризы пассажиров.

Наконец, прежде чем состав отправится на вокзал, весь персонал в безупречной униформе, готовый к последней инспекции, выстроится под пристальным взглядом начальника поезда.

На перроне слегка поеживаются пассажиры. То ли бодрящий воздух тому виной, то ли возбуждение перед посадкой в самый известный поезд мира, кто скажет? В любом случае их истории только дожидаются своего часа.

Смотрите! Вот он. Вдали показался «Восточный экспресс», величественно подплывающий к платформе. Солнце отражается от сверкающих, как зеркала, окон, вперед выступает начальник станции. Удовлетворенный вздох сработавших тормозов... И поезд останавливается, почти не производя шума, великолепный, гордый и в то же время гостеприимный. Кто может устоять перед таким приглашением?

Вперед! Возьмите ваши вещи, плотнее обмотайте шарфом шею, натяните перчатки, наденьте шляпку и обопритесь на руку вашего возлюбленного.

Поторопитесь: ваше место ждет вас...

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ

Браки, совершившиеся на небесах, более чем за двадцать лет.

Зарегистрируйтесь на нашем веб-сайте и выиграйте путешествие всей жизни.

Отчаялись встретить свою половинку? Убеждены, что для вас нет пары? Устали от попыток друзей с кем-нибудь вас познакомить, надоело улыбаться через силу на смертельно скучных вечеринках?

Если это вам знакомо, агентство «Не теряй надежды» предлагает вам шанс выиграть путешествие всей жизни в компании со спутником вашей мечты. Вам нужно только зарегистрироваться на нашем веб-сайте и прислать краткую биографию, а мы проанализируем ваши данные, используя нашу знаменитую методику по подбору пар.

Каждая биография рассматривается индивидуально группой специалистов, имеющих многолетний опыт подбора соответствующих партнеров. Мы не прибегаем к компьютерному анализу, потому что компьютеры не умеют читать между строк и не смогут подметить искорки, из которой разгорится пламя любви.

На основании биографий мы составим идеальную пару, и она отправится на исключительное свидание вслепую — ночь в «Восточном экспрессе», идущем из Лондона в Венецию.

Насладитесь потрясающими пейзажами, совершая путешествие всей жизни в этом легендарном поезде. Выпейте в баре коктейли под аккорды фортепьяно, затем отведайте сопровождаемый изысканнейшими винами великолепный ужин в вагоне-ресторане. Каждому будет предоставлено отдельное роскошное купе, а постоянно находящийся рядом проводник исполнит любое ваше желание.

Даже если вы не выиграете путешествие, высока вероятность того, что осуществится ваша мечта и вы познакомитесь с идеальным спутником жизни. Мы работаем давно и уже помогли соединиться тысячам счастливых пар, стали «виновниками» сотен свадеб и появления десятков младенцев.

Чего же вы ждете? Заходите на наш веб-сайт и заполняйте анкету. Вы вполне можете отправиться в путешествие, которое изменит вашу жизнь!

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ

Биографическая анкета

ЭММИ ДИКСОН

ВОЗРАСТ: 26 лет.

ЗАНЯТИЕ: Модистка.

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА: Лондон.

ЛЮБИМОЕ ИЗРЕЧЕНИЕ: «Важнее всего — наслаждаться жизнью, быть счастливым... Остальное значения не имеет». Одри Хепберн.

КТО СЫГРАЛ БЫ МЕНЯ В ФИЛЬМЕ О МОЕЙ ЖИЗНИ: Мэгги Джилленхол.

Я В 50 СЛОВАХ: Люблю как следует поработать и отношусь к тем людям, которые прилагают все усилия к достижению своей цели. Люблю наряжаться. Жизнь кажется мне приключением, и я хочу постоянно учиться. Я горожанка, но люблю совершать вылазки на природу. Верю, что человек — кузнец своего счастья, поэтому и участвую в этом соревновании.

КОЕ-ЧТО ИЗ ТОГО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ: Конфеты «Вайолет кримз», фейерверки, хорошие манеры, пикники, лепить снеговиков, романы Агаты Кристи, костры, клубничный дайкири, субботний бранч, упаковывать подарки.

МОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР В ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: Мне нужен человек, который удивит и рассмешит меня, добрый и умеющий веселиться.

НЕ ТЕРЯЙ НАДЕЖДЫ

Биографическая анкета

АРЧИ ХАРБИНСОН

ВОЗРАСТ: 28 лет.

ЗАНЯТИЕ: Фермер.

МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА: Котсуолдс.

ЛЮБИМАЯ ЦИТАТА: «Кто выпустил собак?»¹

КТО СЫГРАЛ БЫ МЕНЯ В ФИЛЬМЕ О МОЕЙ ЖИЗНИ: Колин Ферт.

Я В 50 СЛОВАХ: Люблю свою ферму, но и огни большого города мне по душе. Я ничего не сумел бы приготовить даже под страхом смертной казни, и я не такой уж чистюля, но руки я отмываю как следует. Больше всего ценю верность. Я могу показаться застенчивым, но в глубине души умею веселиться.

КОЕ-ЧТО ИЗ ТОГО, ЧТО Я ЛЮБЛЮ: Прогулки по полям с моими бордер-терьерами Сидом и Нэнси, воскресный ленч в местном пабе, свой старенький «морган»², Билли Холидей, Вест-Энд на Рождество, восходы солнца, первую чашку чая за день, мохито, носки, согретые на «Аге», танцевать.

МОЙ ИДЕАЛЬНЫЙ ПАРТНЕР В ОДНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ: Мне нужна подруга, о которой я мог бы заботиться, смешить и чтобы она согревала меня по ночам (в моем коттедже нет центрального отопления).

¹ Песня в исполнении «Баха мен», музыкальной группы из Нассау, столицы Багамских островов. — *Здесь и далее примеч. пер.*

² «Морган» — марка спортивного автомобиля одноименной фирмы.

Перед путешествием

Глава первая

Адель Расселл не слишком жаловала телефоны. Конечно, без них не обойтись, неотъемлемая часть повседневной жизни. Она и не представляла себя без телефона, но в отличие от многих своих друзей старалась тратить на телефонные переговоры как можно меньше времени. Она любила, особенно при деловых встречах, ловить взгляд, видеть жесты и мимику собеседника, а по телефону велика вероятность неправильно понять его. Труднее сказать то, что действительно хочешь сказать, и столько остается недоговоренным. Человек редко может позволить себе роскошь молчания: немного поразмыслить, прежде чем ответить. Возможно, это было пережитком тех дней, когда телефонный разговор являлся роскошью, когда сообщаемую информацию сводили к абсолютному минимуму, думая об оплате?

Адель предпочла бы провести сегодняшнюю беседу лично, но такой возможности у нее не было. Она и так достаточно долго откладывала этот звонок. Адель никогда не мешкала нарочно, но в свое время ей пришлось приложить столько усилий, чтобы похоронить прошлое, что не очень-то хотелось вспоминать его вновь. Берясь за телефон, Адель сказала себе, что она не жадина, не алчный человек, не хапуга. Она просто просит то, что по праву принадлежит ей. И просит даже не для себя.

Для Имоджен. На мгновение перед глазами у нее встало лицо внучки. Адель одновременно почувствовала гордость, вину и тревогу. «Если бы не Имоджен, я оставила бы ящик Пандоры плотно закрытым, — подумала Адель. — Или нет?» Еще раз она напомнила себе, что имеет полное право поступить так, как собирается.

Ее палец с ярко накрашенным ногтем замер над первым нулем, затем нажал на клавишу. Может, ей и восемьдесят четыре, но вид у нее по-прежнему ухоженный, и выглядит она эффектно. Пошли длинные гудки международного соединения. Ожидая ответа, Адель вспомнила, сколько раз тайно звонила ему в те далекие годы, с бьющимся сердцем вдыхая застоявшуюся вонь сигаретных окурков в телефонной будке, бросая новые монетки, когда пищали предупреждающие сигналы...

— Алло? — Голос был молодой, женский, принадлежавший англичанке. Уверенный.

Адель быстро перебрала возможные варианты: дочь, любовница, вторая жена, домработница?.. Не тот номер?

— Могу я поговорить с Джеком Моллоем?

— Конечно. — Отсутствие интереса в голосе говорившей убедило Адель, что эмоциональной привязанности тут нет. Тогда, видимо, домработница. — Скажите, пожалуйста, кто его спрашивает?

Обычный вопрос, никакой паранойи.

— Передайте ему, что это Адель Расселл.

— Он знает, по какому поводу вы звоните? — Опять рутина, а не допрос с пристрастием.

— Знает. — В этом она была уверена.

— Одну минуту.

Адель услышала, как собеседница положила телефонную трубку. Шаги. Голоса.

Затем Джек:

— Адель. Как это мило. Давно тебя не слышал.

Ее звонок несколько его не взволновал. Тон у него был сухой, приятно изумленный, дразнящий. Как всегда. Но теперь, по прошествии всех этих лет, он не воздействовал на нее,

как когда-то. В то время Адель считала себя совершенно взрослой, хотя это было совсем не так. Все принимаемые ею решения до самого конца были незрелыми и эгоистичными. Если честно, она начала взрослеть по-настоящему, когда осознала, что мир не вращается вокруг Адели Расселл и ее потребностей.

— Мне пришлось дожидаться удобного времени, — ответила она.

— Я видел некролог Уильяма. Сожалею.

Три строчки в газете. Любимый муж, отец и дед. Цветов не приносить. Пожертвования на его любимую благотворительность. Адель расправила ладонь на письменном столе и посмотрела на обручальное кольцо и кольцо, подаренное на помолвку. Она по-прежнему их носила. Она по-прежнему была женой Уильяма.

— Я звоню не просто так, — произнесла Адель, постаравшись придать голосу деловитость. — Я звоню насчет «Возлюбленной».

Последовала пауза, пока Джек переваривал услышанное.

— Разумеется, — ответил он. Тон был легкий, но она почувствовала, что Джек удручен ее беззаботностью. — Что ж, она здесь. Я сохранял ее для тебя со всей тщательностью. Она ждет тебя. Ты можешь забрать ее в любое время.

Адель была почти уязвлена. Она-то готовилась к битве.

— Хорошо. Я кого-нибудь пришлю.

— О!.. — В голосе Джека прозвучало подлинное разочарование. — Я надеялся увидеть тебя. Хотя бы угостить ужином. Тебе понравилось бы место, где я живу. На Джудекке...

Неужели он забыл, что она там уже была? Не мог. Никак не мог.

— Я уверена, понравилось бы. Но, боюсь, я больше не летаю.

Теперь все это для нее слишком утомительно. Ожидание, неудобства, неизбежные задержки рейсов. За многие годы она увидела почти весь мир и теперь не испытывала потребности обзрывать еще какие-то его уголки.

— Всегда есть поезд. «Восточный экспресс»... Помнишь?

— Конечно, помню, — ответила она резче, чем намеревалась.

Она увидела себя на платформе Восточного вокзала в Париже, дрожащую в желтом льняном платье и таком же пальто, которые накануне она купила на улице Фобур-Сент-Оноре. Тогда она дрожала не от холода, а от предвкушения, волнения и чувства вины.

У Адели встал комок в горле. Сладкое, отдающее горечью воспоминание. Но ей не до него, учитывая все остальное. Как раз сейчас у нее хватает эмоций, с которыми надо справиться. Продажа Бридж-Хауса, где родились и выросли ее дети, продажа галереи, которая составляла ее жизнь, обдумывание своего будущего... и будущего Иможен — все это очень выбивало из колеи. Никуда от этого не денешься, но из колеи выбивает.

— Недели через три я кого-нибудь пришлю, — сказала она. — Это будет удобно?

Несколько секунд ответа не было. Адель спросила себя, не возникнет ли в конце концов с Джеком сложностей. Документов в поддержку ее требования у нее не имелось. Только обещание.

— Венеция в апреле, Адель. Я буду идеальным хозяином. Идеальным джентльменом. Подумай об этом.

Старая тревога заняла в душе Адели. Возможно, она не настолько невосприимчива к чарам Джека, как думала. Он всегда так с ней поступал: заставлял стремиться сделать то, чего делать она не хотела. Мысленно она уже стояла перед его дверью — любопытство опять взяло верх.

Зачем ей снова переживать все это беспокойство? В ее-то возрасте? От этой мысли Адель содрогнулась. Гораздо лучше оставить все в прошлом. Тогда она сможет контролировать ситуацию.

— Нет, Джек.

Она услышала его вздох.

— Что ж, ты твердо знаешь, чего хочешь. Считай это приглашением с открытой датой. Я с удовольствием снова с тобой повидаюсь.

Адель посмотрела в окно на реку. Сильное течение вздувшейся от мартовского дождя реки билось между берегов, уносясь дальше с непреклонностью, которой она позавидовала. Шаг в неизвестность был риском. В своем возрасте она предпочитала точно представлять положение дел.

— Спасибо, но, думаю, вероятно... Нет.

Повисло неловкое молчание, которое наконец нарушил Джек:

— Полагаю, мне не нужно говорить тебе, сколько теперь стоит данное полотно.

— Дело не в этом, Джек.

Смеялся он так же, как и прежде.

— Да мне все равно, даже если и в этом. Картина твоя, и ты можешь делать с ней все, что захочешь. Хотя надеюсь, ты не продашь ее тому, кто больше даст.

— Не волнуйся, — заверила Адель. — Она останется в семье. Я дарю ее своей внучке. На тридцатилетие.

— Что ж, надеюсь, ей она доставит такое же наслаждение, какое дарила мне. — Джек явно был доволен.

— Я уверена.

— Ей тридцать? Немногим моложе, чем была ты...

— Действительно, — оборвала она Джека. Придется быть краткой: они сбиваются на сентиментальность. — Моя помощница проинформирует тебя о времени приезда Имоджен по телефону. — Адель уже собиралась закончить разговор и дать отбой, но что-то заставило ее смягчиться. Оба они стары, вполне возможно, что и десяти лет уже не проживут. — Надеюсь, ты хорошо себя чувствуешь?

— Принимая во внимание все обстоятельства, я вообще не могу пожаловаться. Хотя я не столь... энергичен, как прежде.

Адель сдержала улыбку.

— Как повезло Венеции, — отозвалась она, подпустив в голос колкости.

— А ты, Адель?

Ей больше не хотелось с ним разговаривать. Стало нехорошо от нахлынувших со всей силой мыслей о том, что могло бы быть, от чувства, которое ей удавалось подавлять все эти годы.

— Очень хорошо. Мне нравится мой бизнес, и моя семья рядом со мной. Жизнь — хороша. — Она не собиралась ни жаловаться, ни вдаваться в подробности. — На самом деле мне пора. У меня встреча за ленчем.

Как только позволили приличия, она дала отбой.

Руки у нее дрожали, когда она возвращала трубку на место. Джек всегда так на нее действовал. Она не справилась до конца с тоской по нему. Тоска эта периодически давала о себе знать, когда Адель меньше всего ожидала.

Почему она не приняла его приглашение? Какой вред могло бы это причинить?

— Не будь такой смешной! — Ее голос зазвенел в малой гостиной.

Адель подняла взгляд. Морской пейзаж висел на своем месте, тот самый пейзаж, за который она сражалась на аукционе в день знакомства с Джеком. С тех пор она держала эту картину над своим письменным столом. Ни один мазок на ней не изменился за минувшие с тех пор годы. В этом и заключалась красота живописных работ. Они останавливали мгновение. Они всегда оставались неизменными.

Эта мысль вернула Адель к насущным задачам. Нужно столько всего утрясти: ее решенный ждали агенты по недвижимости, бухгалтеры, юристы. Многие советовали не принимать

радикальных решений, пока не пройдет какое-то время после тяжелой утраты, но Адель чувствовала, что с нее хватит. Бридж-Хаус был слишком велик для одного человека, вести дела в «Галерее Расселл» было слишком тяжело, даже учитывая значительную помощь Иможден в организационных вопросах. Кроме того, раз за разом Иможден повторяла бабушке, что не хочет заниматься галереей, что пора ей переключиться на что-то новое, ведь она никогда и не собиралась так долго задерживаться в Шеллоуфорде. Адель предложила найти компромисс, но Иможден настаивала, что хочет начать с чистого листа. Тем не менее Адель чувствовала себя виноватой, поэтому и востребовала «Возлюбленную». Картина станет самым чудесным подарком. Никто в мире, по ее мнению, не сумеет оценить это полотно так, как Иможден, и это до некоторой степени смягчит укоры совести Адели.

Она мысленно вернулась к только что закончившемуся разговору. Как сложилась бы ее жизнь, не будь в ней Джека? Пошла бы другим путем? Адель была уверена, что без знакомства с ним никогда не обрела бы того внутреннего импульса и решимости. Но может, она была бы счастливее?

— Ты не могла бы стать более счастливой, — сердито сказала себе Адель. — Джек был ошибкой. Каждому позволительно совершать ошибки.

В это она верила твердо. Порой попадаешь впросак, желая выправить положение дел. И в итоге она выправила свои дела...

Адель с трудом вернулась к действительности. Хватит самобичевания. Ей нужно осуществлять свои планы. Предстоит произвести серьезные перемены — все к лучшему. Адель обвела взглядом малую гостиную, комнату, в которой она приняла большинство важных решений. Ей нравились ее высокие потолки и подъемные окна с видом на реку. По правде говоря, она любила каждый квадратный дюйм Бридж-Хауса. Идеально симметричный, сложенный из светло-красного кирпича, он стоял, что неудивительно, у моста³ в Шеллоуфорде и был самым красивым домом в этом маленьком рыночном городке. Ники, агент по недвижимости и лучшая подруга Иможден, заверила, что его просто с руками оторвут, вероятно, еще до того, как они успеют напечатать брошюру на глянцевой бумаге, выгодно демонстрирующую его идеальные пропорции, обнесенный стеной сад, темно-красную парадную дверь с полукруглым окном над ней...

На мгновение Адель усомнилась в своем плане. Она будет невероятно скучать по этому дому. Ей стало обидно, что приходится с ним расставаться. Она напонила себе, что лучше принимать трудные решения, пока ты руководишь событиями, а не тогда, когда события начнут руководить тобой. Преисполненная решимости, Адель отвинтила колпачок чернильной авторучки и придвинула к себе блокнот. Она отнюдь не боялась компьютеров, но по-прежнему гораздо лучше сосредоточивалась, записывая что-то от руки.

Обдумывая список, Адель то и дело мысленно возвращалась к разговору с Джеком.

«Восточный экспресс». Он по-прежнему курсировал между Лондоном и Венецией, она это знала. Культовое путешествие. Возможно, самый известный маршрут в мире. У Адели начал складываться план. Она обратилась к компьютеру, нашла требуемый веб-сайт, просмотрела информацию и быстро сняла трубку, пока не передумала.

— Алло? Да, я хотела бы заказать билет. На одного человека до Венеции, пожалуйста...

Ожидая, пока ее соединят с нужным сотрудником, Адель снова перевела взгляд на картину, висевшую над ее письменным столом. Джек был прав: она была лишь чуть старше Иможден в тот день, когда купила ее. В тот день, когда все началось. Казалось, это было только вчера...

³ Название «Бридж-Хаус» можно перевести как «Дом у моста».

Глава вторая

В Бридж-Хаусе царила зловещая тишина. Тишина насмешливая и мучительная, заставлявшая Адель включать радиоприемник, граммофон, даже телевизор, хотя считалось, что включать его стоит лишь ради выпуска вечерних новостей. Но ничто не могло заполнить зияющую пустоту, образовавшуюся после отъезда двух маленьких, но шумных мальчишек, которые впервые уехали в подготовительную школу.

Ни глухих ударов футбольного мяча в стену дома. Ни топота ног вверх по лестнице. Ни звука спускаемой воды в туалете внизу — ну, нельзя сказать, что они всегда ее спускали. Ни пронзительных ликующих голосов, ни внезапного громкого рева из-за царапины или обиды. И смеха тоже не слышно.

Хуже всего, что этот день казался пустым и не вдохновлял ее. В течение семи лет близнецы были движущей силой жизни Адели. Нет, она ни в коем случае не квохтала над ними дни напролет, но они всегда были здесь. Даже когда мальчики посещали деревенскую школу, они приходили домой на ленч, поэтому у Адели всегда было маловато свободного времени. Ей никогда, ни на мгновение, не досаждало их присутствие, в отличие от стольких ее подруг, облегченно вздыхавших, когда их отпрыски покидали дом.

Имей Адель возможность поступить по-своему, мальчики так и ходили бы в деревенскую школу, а потом, в одиннадцать лет, перешли бы в среднюю — в Филбери, но в этом сражении ей никогда не одержать победы. Тони и Тим изначально были определены в ту же школу, что и их отец Уильям, по освященной временем традиции верхушки британского среднего класса.

Поэтому Адель знала, что этот день близится, она страшилась его, и теперь, когда он настал, действительность оказалась даже хуже, чем думалось. Адель не плакала целыми днями в кровати, но на сердце у нее было так же пусто, как в доме.

Вдобавок отъезд близнецов совпал и с уходом Уильяма. Сразу после свадьбы Расселлы купили Бридж-Хаус из-за примыкавшего к нему каретного сарая, который более десяти лет служил Уильяму приемной. Хотя Адель не участвовала напрямую в работе мужа, к роли жены врача она относилась серьезно, ежедневно имея дело с пациентами и беспокоясь об их состоянии.

Но теперь Уильям вместе с тремя другими терапевтами открыл современную новую практику в Филбери, в пяти милях от дома. Это было частью плана министерства здравоохранения по обеспечению большей доступности медицинской помощи. Мужа это вдохновляло — настоящая революция, — но приходилось принимать столько решений, значительно возросла ответственность. Потребовалось намного больше времени. Адель почти не видела Уильяма, а когда он возвращался домой, то работал с документами и составлял отчеты. Когда он вел прием в Бридж-Хаусе, то бывал занят с девяти утра до полудня, затем снова — с двух до четырех, не считая срочных вызовов и поездок на трудные роды.

И таким образом, Адель чувствовала себя одинокой, бесполезной и очень грустила. И, если быть честной, была самую малость обижена на мужа. Когда ей бывало особенно жалко себя, она винила его за то, что он услал мальчишек из дома, а затем покинул ее. Чем, по его мнению, она должна заполнять время?

Однако Адель нельзя было отнести к тому типу людей, которые таят злобу или чересчур огорчаются своим положением. По характеру она была созидателем, поэтому Уильям, вероятно, и предполагал, что она справится с ситуацией. А посему в двадцать минут десятого во вторник утром Адель уже сделала все, что требовалось. Сходила на Мэйн-стрит к мяснику за сегодняшним ужином и купила корзинку слив для пудинга — это заняло всего-то десять минут. По дому никакой работы не было, потому что у нее имелась миссис Моррис,

ежедневная прислуга. В городской ратуше сегодня планировался утренний прием с кофе, но Адель с ужасом почувствовала, что может — это вполне вероятно — расплакаться, если кто-нибудь спросит, как дела у близнецов, и тем самым попадет в глупое положение. Накануне она мыла и укладывала свои темные кудри, и когда парикмахер поинтересовался здоровьем мальчиков, на глазах у Адели выступили слезы.

Она взяла местную газету и полистала ее в надежде найти что-нибудь интересное, хотя не знала, что бы такое там могло оказаться. Обратила внимание, что недалеко, в деревенском доме, состоится распродажа имущества. Адель решила съездить: она подумывала превратить пустующий медицинский кабинет Уильяма в пристройку для гостей, а там могла выставиться какая-нибудь мебель. Не слишком об этом задумываясь, Адель извлекла из сумочки бледно-розовую помаду «Коти», мазнула ею по губам, сняла с крючка в холле дождевик и взяла перчатки. Или туда, или в передвижную библиотеку за новыми книгами. Прочитанные стопкой лежали на столе в холле, но при одной мысли о них Адель затошнило от скуки.

Она прошла к своему автомобилю. Голубому седану — «Остину А-35». Адель знала, ей очень повезло, что у нее есть собственный автомобиль. Она знала: ей повезло, точка. У нее был самый желанный дом в Шеллоуфорде, сразу у моста через реку, с очаровательным, обнесенным стеной садом и дорожкой ко входу, выложенной коваными плитками... Но почему же она чувствовала себя такой опустошенной?

Имелась, разумеется, одна веская причина, но о ней Адель не очень часто вспоминала, потому что, в самом деле, какой в этом был смысл? Если она и чувствовала иронию в том, что ее муж, который помог появиться на свет стольким младенцам в городке, где они жили, отсутствовал и не наблюдал за рождением своих сыновей, а следовательно, не сумел предотвратить последовавшее осложнение, то никогда об этом не говорила. Уильям, это правда, страшно переживал, что был так далеко в тот день. Окажись он ближе, тогда, возможно, еще один Расселл заполнил бы пустоту, оставшуюся после отъезда близнецов, а может, даже двое. Но все сложилось иначе, поэтому...

Когда Адель выезжала с дорожки на Мэйн-стрит, пошел мерзкий сентябрьский дождь. Она включила «дворники», которые неохотно задвигались взад-вперед. Зима будет долгой.

Распродажа в сельском доме проходила в десяти милях от Шеллоуфорда, в Уилтшире; это был довольно маленький, ничем не выдающийся дом, и в каталоге не нашлось ничего особо ценного или примечательного. Адели нравилось приобретать вещи на аукционах — она всегда предпочитала покупать что-то старинное и любила драматизм ситуации и соперничество. Это приносило гораздо больше удовлетворения, чем поход в универмаг, потому что ты никогда точно не знаешь, что обнаружишь.

Сегодня она очень скоро оценила предлагаемые лоты. Здесь было полно уродливой мебели неопределенной давности: все хорошее забрали, наверное, члены семьи, но среди громоздких платяных шкафов и бесконечных фарфоровых сервизов она заметила картину. Это был морской пейзаж, весьма дикий и бурный, и Адели понравился колорит, темно-лиловый с серебром. Он был мрачным и зловещим, но ей показалось, что он каким-то образом соответствует ее состоянию. Адель ощущала настроение холста. И поняла, что самое важное в этой картине — ее способность заставить тебя что-то почувствовать. Она влюбилась в нее. Адель была совершенно уверена: полотно пойдет за бесценок, и поэтому решила сделать заявку.

Сам аукцион проходил в палатке в саду, так как в доме не нашлось достаточно большой комнаты. Было холодно и ветрено, и Адель подумала, что, может, не стоит и утруждать себя, но снова полил дождь, и она решила, что больше промокнет, идя до машины, поставленной

на примыкавшей к дому лужайке, чем если пойдет в палатку. Держа над головой аукционный каталог, Адель побежала туда.

Стулья были ужасно неудобными, и делу нисколько не помогал неровный пол, устланный циновками из кокосового волокна. Адель ежилась, сидя в пальто и сжимая промокший каталог. Она отметила заинтересовавшую ее картину и написала рядом сумму, которую готова была предложить, не слишком большую. В конце концов, понадобится почистить полотно, заново обрамить. Адель мысленно повесила картину над письменным столом в малой гостиной, где писала письма. Она сможет смотреть на нее и представлять, что вдыхает соленый морской воздух.

В ожидании своего лота она скользила глазами по участникам торгов. Вошел мужчина, на его лице застыло выражение недовольства собой из-за опоздания. Он обвел помещение взглядом: нет ли знакомых — остановился на Адели и мгновение не сводил с нее глаз.

Непонятная дрожь пробежала по телу Адели. Она словно узнала этого мужчину, хотя была совершенно уверена, что никогда раньше его не видела. Она поежилась, но не от холода. Взгляд мужчины скользнул дальше, и Адель моментально почувствовала, как будто чего-то лишилась. Мужчина сел на свободное место и стал внимательно изучать каталог, пока аукционист стремительно переходил от лота к лоту. Ни за одну из вещей не удалось выручить хорошие деньги.

Адель чувствовала напряжение, скованность, сидела неподвижно, как сидит заяц, прежде чем броситься наутек. Она была заинтригована. Мужчина выделялся среди присутствующих, которые были одеты в поношенный твид с приставшей к нему собачьей шерстью, и лица у них в основном были обветренные. Распродажа не привлекла бы покупателей из Лондона, но мужчина этот обладал подчеркнута столичной внешностью. Покрой его пальто с меховым воротником, галстук, прическа — все выдавало в нем горожанина. Он был высокого роста, с лицом довольно суровым, с темными бровями. Не заметить его было невозможно.

Адель вдохнула, воображая исходивший от мужчины аромат. Он будет резким, мужским, экзотическим — что-то затрепетало внутри у Адели. Она поднесла руку к своим локоткам: дождь отнюдь не способствовал сохранности прически. Выходя из дома этим утром, Адель не накрасилась, только освежила помаду на губах и теперь очень сожалела об этом. Во всяком случае, дождевик, сравнительно новый, скрывал ее немного унылое синее платье: Адель не потрудилась переодеться, даже туфли не сменила — поехала в довольно тяжелых, на шнурках, в которых ходила до этого к мяснику. Она с тоской подумала об изумрудно-зеленом свитерке с вырезом «лодочка», висевшем у нее в шкафу, он подчеркивал зелень ее глаз...

Украдкой Адель наклонилась, выудила из сумочки помаду и подкрасила губы, затем открыла флакон с «Английской лавандой» от «Ярдли», который всегда носила с собой. Коснулась пробкой запястий, выпрямилась. Мужчина никуда не делся, он закурил сигарету со слегка скучающим видом, словно находился здесь из чувства долга, развлекал какую-нибудь престарелую тетюшку, сопровождая ее. Однако никого похожего рядом с ним Адель не увидела.

Аукционист быстро представил мебель, потом столовые приборы и фарфор, прежде чем наконец добрался до живописи. Он покопался в третьеразрядных сценах охоты и тусклых пейзажах, затем остановился на том, которого дожидалась Адель. Она почувствовала привычное возбуждение, предшествовавшее вступлению в торги. Если судить по другим лотам, соперников не предвиделось.

— Привлекательный морской пейзаж, подписанный Полом Мейзом и датированный тысяча девятьсот тридцать четвертым годом. Кто первым даст мне цену?

Опытным взглядом он обвел помещение, и Адель подняла каталог. Аукционист указал на нее своим молотком, дав понять, что увидел, затем бегло оглядел присутствующих: не вступит ли кто в торги? Он явно никого не ожидал.

Объект интереса Адели до сих пор не предложил ни одной ставки ни за один лот, поэтому она удивилась, когда он впервые поднял взгляд и кивнул аукционисту, который ответил ему улыбкой в знак подтверждения.

Адель соответственно подняла свою ставку. Она была совсем не против соперника. Приятно было узнать, что кто-то еще заинтересовался ее потенциальной покупкой. Оппонент подтвердил свое повышение, кивнув аукционисту, а затем Адель ощутила, как закипает кровь — включился ее дух соперничества. Повышение ставок быстро превратилось в битву. Все присутствующие были взбудоражены: за все утро это был самый волнующий момент аукциона. Аукционер наслаждался. До сих пор у него не было настоящего азарта. Торги шли вяло. Лоты уходили по смехотворным ценам к тем, у кого имелась возможность увезти эти вещи.

До сего момента ставки перелетали от одного к другой, поднимаясь все выше и выше. Что-то в душе Адели хотело этой картины больше всего на свете. Она твердо решила: пейзаж должен принадлежать ей. Ей почти до смерти хотелось отстоять это полотно. Сердце у нее колотилось, щеки пылали.

Ее противник сидел в другом углу палатки, спокойный, невозмутимый, никакие эмоции не отражались на лице. Интересно, подумалось Адели, уж не известно ли ему что-то, чего не знает она? Какой тайной информацией он владеет? Не принадлежит ли картина кисти какого-нибудь неизвестного гения? Не является ли давно забытым шедевром? Или у него есть личные причины желать этой картины? До какого предела он готов пойти?

Внезапно Адель осознала, что ее очередь делать ставку, а она уже более чем в четыре раза превысила свой изначальный лимит. В сумочке у нее лежали четыре гиней, так как накануне Уильям выдал ей деньги на домашние расходы, но денег с собой у нее было недостаточно, чтобы расплатиться, если она добьется успеха. Не захватила Адель и чековую книжку — она лежала на ее письменном столе. Она попадет в ужасающе неловкое положение, если признается аукционеру, что денег не хватает. Она не должна, просто не должна заходить дальше.

— Ваша ставка, мадам.

Адель помедлила. Ей потребовалась, кажется, целая вечность, чтобы отказаться. Отчаянно хотелось продолжить, но средств не было. А если оставить в залог свое обручальное кольцо? Все смотрели на нее, кроме, разумеется, соперника. Он спокойно листал каталог, ни на кого не обращая внимания.

С ее стороны было бы безумием продолжать. В конце концов, она лишь собиралась заплатить чрезмерную сумму за совершенно заурядную картину.

Адель покачала головой. Через несколько секунд раздался удар молотка. Ее соперник даже не потрудился отвлечься от каталога. Адель была оскорблена тем, что полотно, которое должно было принадлежать ей, ушло к столь хладнокровному покупателю. Обычно она умела проигрывать, но сейчас чувствовала себя уязвленной. Она взяла свои вещи и стала пробираться вдоль ряда, извиняясь, когда наступала кому-то на ногу.

На улице Адель попала в плотные объятия влажного воздуха. Она разволновалась гораздо сильнее, чем следовало. И дело было не в самой картине. Ей невольно казалось, что в этих торгах было нечто личное. Тот мужчина не хотел, чтобы работа досталась ей. Его поза говорила о многом. Он постарался, чтобы картина никогда не принадлежала Адели.

Она решила поехать и перекусить в соседнем городке, где, помнила Адель, имелась очень милая гостиница. Она зализжет свои раны за ленчем, затем не спеша поедет домой и постарается забыть о данном инциденте. В конце концов, это всего лишь картина.